

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/19986645/17/2

Л.А. Инютина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРОСТРАНСТВА В ОТРАЖЕНИИ ЛЕКСИКИ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XVII–XVIII ВВ. КАК МОДЕЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена проблеме концептуализации пространства русским языком в Западной Сибири XVII–XVIII вв. Семантическое поле пространства, реконструируемое на материале текстов Сибирских летописей (а именно Есиповской летописи – официального и наиболее авторитетного исторического сочинения о покорении Сибири), рассмотрено как модель пространственной картины мира. В работе определены особенности лексической репрезентации семантической парадигмы 'Пространство – царство-государство', которая является ядерной в анализируемом поле.

Ключевые слова: летопись, семантическое поле, лексическая единица.

Одним из двух возможных проявлений принципа антропоцентризма в современных лингвистических исследованиях является выяснение воздействия естественного языка на мышление человека [1. С. 214–215]. Это гумбольдтовское, как известно, видение проблемы взаимосвязи языка и мышления выражено, в частности, в широко используемом сегодня в языкознании понятии «языковая картина мира» («наивная», «профанная» и пр.).

Семантическое поле пространства мы рассматриваем в качестве модели пространственной картины мира. Реконструкция семантического поля пространства на материале текстов Сибирских летописей XVII–XVIII вв. позволяет выяснить языковое (а именно лексическое) воплощение представлений о пространстве в этот период и на этой территории.

В статье решается задача реконструкции ядра семантического поля пространства на основании анализа текста Есиповской летописи [2. Т. 36].

Летописный язык традиционно рассматривается как составляющий центр народно-литературного языка. Летописи (в собственно летописной части) – «функционально главенствующие источники, содержательно наиболее четкие, тематически (лексически) наиболее независимые» [3. С. 93]. Представление о пространстве и особенностях его выражения в семантике лексических единиц¹ (ЛЕ) русского языка Западной Сибири XVII–XVIII вв., безусловно, должно быть исследовано на региональном летописном материале этого периода.

Источником исследования стала Есиповская летопись – «наиболее авторитетное сочинение на сибирскую тему из числа упоминаемых в исторической литературе» [8. С. 77]. Важно, что Есиповская летопись большинства ее вариаций (первая треть и вторая половина XVII в.) является историческим

¹ Лексическими единицами мы называем лексемы и устойчивые словосочетания, которые выражают, как и слово, единое понятие, обладают различными видами лексических свойств (структурно-семантических, системных, функциональных и пр.) и являются регулярными в языке в различные периоды его развития [4–7].

повествованием, защищенным авторитетом и канонами «книжной школы», и имеет официальный для данного исторического момента характер текста [9. С. 22]. Создавая летописное сказание о покорении Сибири, Савва Есипов, дьяк Тобольского архиерейского дома, определяет свою задачу: написать, как «взята Сибирь от православных христиан, от русского воинства в наследие российского скиптродержательства», «о храбрости русского полка, собранного и водимого атаманом Ермаком Тимофеевым, и о поставлении градов в Сибирстей земле и о создании церковей православных» [8. С. 78].

Предметом исследования являются семантика и семантические отношения ЛЕ в этом летописном тексте, определенные в ходе анализа как релевантные для семантического поля пространства и рассмотренные как языковое воплощение понимания пространства русскими людьми XVII в.

Пространство – одно из основополагающих понятий философии бытия и теории познания. «Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосма» [10. С. 127]. Оно подробно дифференцируется языковыми средствами во всех языках. В философии, логике и лингвистике принято различать понятия пространства и места в силу их неравноценности и различий в способах их языковой объективации [11. С. 84]. При историческом рассмотрении этих понятий и их концептуализации языком первичным называют концепт места [11–13]. В языковом сознании древнего человека «пространство не является простым вместилищем объектов, скорее наоборот – конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам. Пространство ощущается, воспринимается именно через вещи, его заполняющие»¹ [13. С. 31]. Поэтому для описания пространственных отношений значимы такие признаки, как «положение наблюдателя», «характер и условия восприятия». В частности, в сибирских летописных текстах XVII в. пространство – это непосредственно наблюдаемое, находящееся в «окрестности говорящего», «исхоженное» место, которое человек «способен непосредственно воспринять, в той или иной мере самостоятельно освоить и узнать» [13. С. 64].

Полевое описание лексики, являющееся методом анализа лексических парадигм различного объема и типа, предполагает группировку ЛЕ на основании общности инвариантного смысла и наличия семантических связей. С его помощью могут решаться задачи исследования языковой картины мира, идеографического подхода к описанию языковой (лексической) системности, логического анализа языка (концептов). Понятие семантического поля, история его изучения, типология семантических полей восходят к исследованиям Л. Вайсгербера, Э. Косериу, В. Порцига, Й. Трира и др. [14–15] и развивается в современном отечественном языкознании в исследованиях Е.Л. Березович, А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулова, Е.А. Нефедовой, Е.В. Падучевой, А.А. Уфимцевой, Е.А. Шенделевой (Юриной), Г.С. Щура и др. [16–23]. Этот метод, разработанный в синхронном языкознании, успешно применяется в исторической лексикологии. Однако исследователь истории языка чаще всего ограничен количеством и качеством сохранившихся памятников письменности.

---

¹ Это так называемое лейбницевское понимание пространства.

сти (это относится и к сибирским источникам) и не может проверить свои наблюдения и выводы, опираясь на речевую практику носителей языка.

Как отмечено выше, целостность структуры любого семантического поля возможна лишь при условии существования внутренних связей, свойственных той системе, в которую входит данное поле. Структура семантического поля пространства рассмотрена в работе как иерархия семантических парадигм (СП). СП – это совокупность смыслов, выраженных в различных лексических рядах. Лексические ряды репрезентированы в текстах сибирских летописей XVII в. ЛЕ разных грамматических классов и разной структуры (слова и устойчивые словосочетания). В ходе анализа учитывались их семантические признаки, общие с именем поля, и количество фиксаций в исследуемых текстах, поскольку это свидетельствует о степени семантического тяготения той или иной ЛЕ к ядру поля или о значительном семантическом расстоянии от него.

Семантическое поле пространства в тексте Есиповской летописи реконструировано как состоящее из ядра и трех периферийных семантических сфер: I «Московское царство, Сибирь»; II «Физическое пространство, простор»; III «Перемещение в пространстве». Каждая семантическая сфера структурирована СП, составляющими ближнюю и дальнюю периферии. В семантической сфере I «Московское царство, Сибирь» СП ближней периферии – ‘Царство-государство – Сибирь’; СП дальней периферии: ‘Царство-государство – его территории’, ‘Царство-государство – чужие территории’, ‘Царство-государство – власть’, ‘Царство-государство – вера’, ‘Царство-государство – человек, герой’, ‘Царство-государство – чужой человек’; в семантической сфере II «Физическое пространство, простор» СП ближней периферии – ‘Пространство – место, сторона’; СП дальней периферии: ‘Место, сторона – география территории’, ‘Место, сторона – поселение’, ‘Место, сторона – жить’ и др.; в семантической сфере III «Перемещение в пространстве» СП ближней периферии – ‘Пространство – путь’; СП дальней периферии: ‘Путь – идти, пойти (перемещение субъектов)’, ‘Путь – послать (перемещение объектов)’, ‘Путь – драка’ и др.

Таблица 1

Количественные данные о ЛЕ, эксплицирующих семантическое поле пространства в Есиповской летописи

Семант. сферы поля пространства	Кол-во ЛЕ	В % к общему кол-ву ЛЕ	Кол-во употреблений	В % к общему кол-ву употреблений
I. Московское царство, Сибирь	302	46,2	1638	45,6
II. Физическое пространство, простор	176	27	1234	34,3
III. Перемещение в пространстве	175	26,8	721	20
Всего	653	100	3593	100

Выборка ЛЕ, эксплицирующих семантическое поле пространства в текстах Есиповской летописи, составила 653 ЛЕ и соответственно 3593 употребления ЛЕ (табл. 1). Анализ лексической репрезентации понимания простран-

ства (места; объектов, занимающих определённое место или имеющих протяжённость; перемещения субъектов и объектов в пространстве) в данных текстах показал, что количественно наиболее представленной в них является семантическая сфера «Московское царство, Сибирь»: 302 ЛЕ (46,2%), или 1638 словоупотреблений (45,6%).

Таблица 2

**Сведения о некоторых ЛЕ, являющихся ключевыми словами
в анализируемых текстах Есиповской летописи**

ЛЕ	Семантическая сфера	Кол-во употреблений
Сибирь	I	47
Иртыш	I	40
Москва	I	28
(город) Сибирь	I	27
Обь	I	27
Сибирское царство	I	22
Сибирская земля	I	19
Русский	I	12
Царство	I	11
Русь	I	10
Река	II	223
Град	II	106
Острог	II	58
Город	II	41
Жить	II	39
Сторона	II	34
Стоять	II	32
Место	II	29
Вверх	II	28
Впасть	II	25
Поставить	II	22
Река ('путь')	III	35
Дойти	III	35
Послать	III	34
Идти	III	26
Пришествие	III	23
Побить	III	20
Взять	III	17
Взятие	III	15
Победить	III	12

Выявление пространственных ЛЕ, наиболее часто встречающихся в исследуемых летописных текстах (ключевых слов¹), позволяет увидеть, что се-

¹ Ключевые слова характеризует частота употребления, степень повторяемости в тексте; способность конденсировать информацию, выраженную целым текстом; соотношение двух содержательных

мантическая сфера I «Московское царство, Сибирь» по преимуществу структурирована семантикой имен собственных и нарицательных, семантическая сфера II «Физическое пространство, простор» – значениями нарицательных имен и глаголов, а семантическая сфера III «Перемещение в пространстве» – семантикой глаголов и отглагольных имен существительных (табл. 2).

Семантической доминантой анализируемых летописных текстов является понимание пространства как державы, централизованного государства, поскольку ядро семантического поля пространства выражено семантической парадигмой ‘Пространство – царство-государство’. Ее экспликация – значения нарицательных имен существительных *царство* (11)¹, *государство* (8), *страна* ‘государство’ (7), *держава* (5), *отчество* (1) и др., а также имен собственных *Русь* (10), *Русия* (6); *Россия* (4), *Москва* (28) и др.

Словом *царство* (12) в летописи называется ‘страна, находящаяся под одним государем; государство, земля, общество и весь народ’ [25. Т. 4. С. 571; 26. Т. 2. С. 362]: *Егда государь услыша божью помощь и силу, яко снабдит господь царство и пространство дарует...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 58]; *...держа скипетр Московского царства его благочестивый царь Федор Ивановичь...* Конец XVII в. [2. Т. 36. С. 74]; *Егда ж побежден бысть царь Кучюм и беже из града и с царства своего в поле...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 68]; *И живяше в нем царь лета многа и умре. О оттоле [пресечется] царство на реце [Ишиме].* 1649 г. [2. Т. 36. С. 47]; *...бог восхоте царство его разрушити и предати православным христианом.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 48]; *Сих же царств, Российскаго и Сибирские земли, облежит Камень превысочайщ[ий] зело...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 43 – 44]; *...яко немногими // вои таково царство взяша божию помощию.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 56].

Лексема *государство* (8) также обозначает страну, землю, государство [27. Вып. 4. С. 108]: *Тут же роспрошаху тутошних живущих людей, х которому государству та земля подошла.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 73]; *А сам нача подводити под царскую руку всю Сибирскую землю и иные многие государства.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 73]; *Сия убо Сибирская страна от полунощья на север отстоит от государства Российского от царствующаго града Москвы д[о] перваго сибирского града Верхотурья две тысеци верст.* XVII в. [2. Т. 36. С. 75].

Словом *страна* (7) названа в исследуемых текстах ‘местность, край, область, государство // район; часть территории’ [27. Вып. 28. С. 127]: *Гради же // всеа Римския страны разньство имян имеют, опче же Италия нарицається.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 47]; *Оттоле ж и вся страна сия прозвася Сибирь.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 47].

Лексема *держава* (3), обозначая ‘страну, государство, державу’ [27. Вып. 4. С. 222], также является членом синонимического ряда *царство – государство – страна* ‘государство’ – *держава*: ...[Царь Кучюм] *вскоре посылает во всю свою державу, дабы ехали к нему воинстии людие во град Сибирь...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 52]; *...благочестивый царь и великий князь Иван*

урвней текста: фактологического и концептуального – и «получение в результате этого соотношения смысла данного текста» [24. С. 186].

¹ В скобках указано количество употреблений ЛЕ.

Васильевич всеа Руси посла в свою державу в Сибирь воевод своих, князя Семена Болховского да Ивана Глухова, со многими воинскими людми. 1649 г. [2. Т. 36. С. 60].

Кроме того, в этот же синонимический ряд входят лексические единицы *отчество* (1) и *отчина* (1), называющие ‘страну, отчество, землю отцов’ [28. Т. 2. С. 830, 833; 26. Т. 1. С. 611]: *...идет на него с воинством многим князь // Сейдяк <...> из Бухарские земли, иже от убиения [его] крисяся тамо, и, вспомяну отчество свое, и наследити восхоте... 1649 г. [2. Т. 36. С. 59]; Приемлет же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываши во граде. 1649 г. [2. Т. 36. С. 64].*

Семантическую парадигму ‘Пространство – царство-государство’ формируют значения онимов *Русь* (10), *Русия* (6); *Россия* (4), *Российское царство* (1), *Московское царство* (1), являющихся уникальными, единичными именами пространства, понимаемого в летописных текстах как государство.

Имена *Русь* (10) и *Русия* (6) чаще всего употреблены в исследуемых текстах в составе формул «государь царь и великий князь... всеа Руси»; «патриарх московский и всеа Руси» и под.: *...что изволением всемилостиваго [в троицы] славимаго бога и пречистья его богоматери и великих всеа Руси чудотворцов молитва[ми], его же, государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, праведною молитвою ко всецедрому богу и счастием царство Сибирское взяша... 1649 г. [2. Т. 36. С. 57]; В лето 7129-го (...) благословением краснейшаго святителя Филарета Никитича, патриарха московскаго и всеа Руси, поставлен бысть в Сибири, в Тоболск, первый // архиепископ Киприян... 1649 г. [2. Т. 36. С. 69–70]; Благочестивый же государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Руси самодержец, слыша и повеле отписку у них принятия... 1649 г. [2. Т. 36. С. 58].*

Онимы *Россия* (4) и *Российское царство* (1) зафиксированы как в составе таких же формул, так и в свободной сочетаемости: *В лето от сотворения 7088, в державе благочестиваго государя и великого князя Иоанна Васильевича, всеа России самодержца, како покори бог под руку царскую царство Сибирское. Первая половина XVII в. [2. Т. 36. С. 78]; Сия убо Сибирская страна полунощ[ная] отстоит же от России царствующаго града Москвы многое разстояние, яко до двоя тысяч поприщ суть. 1649 г. [2. Т. 36. С. 43]; Сих же царств, Росийскаго и Сибирские земли, облежит Камень превысочайш[ий] зело... 1649 г. [2. Т. 36. С. 43–44].*

Ойконим *Москва* (28) в анализируемых летописных текстах называет столичный город Российского государства: *Того же лета царевича Маметкула Кучюмова сына послаша из Сибири в царствующий град Москву со многими воинскими людми. 1649 г. [2. Т. 36. С. 60]; В лето 7095-го, при державе благочестиваго государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси и по его царскому изволению, послан с Москвы ево, государев, воевода Данило Чюлков со многими воинскими людми. 1649 г. [2. Т. 36. С. 65].*

Однако, кроме соотношения значения имени *Москва* с денотатом «город», «столичный город», данное значение, вследствие метонимического переноса, отождествляет этот оним с таким пространственным объектом, как «страна», «государство». Сравнение контекстов, рассмотренных попарно, подтверждает сделанное наблюдение: *Москва* – это *Русь*, *Россия*: *Атаманы же и казаки*

к *Москве* приехала... 1649 г. [2. Т. 36. С. 57] – ...поплыша вниз по Иртишу и по великой Оби, и через Камень бежаш[а] к *Руси*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 63–64]; О пришествии воевод и воинских // людей с *Москвы* в Сибирь. 1649 г. [2. Т. 36. С. 59] – В лето 7093-го приидоша с *Руси* воеводы Василей Сукин да Иван Мясной, с ними же многия руския люди. 1649 г. [2. Т. 36. С. 65].

Таким образом, помен *progrium* Москва в значительной части контекстов, в которых оно зафиксировано, выражает такое же значение, как и имена *Русь*, *Русия*, *Россия*, *Российское царство* (см. приведенные выше примеры), т. е. является их синонимом, равно как и оним *Московское царство* (2): ...*держа скипетр Московского царства его благочестивый царь Федор Иванович*. Конец XVII – начало XVIII в. [2. Т. 36. С. 74]; *Отсюда же начахом глаголати, како покори бог под руку царству Московскому*. Конец XVII в. [2. Т. 36. С. 77].

В ядерной СП лексические значения имен прилагательных *российский* (1) и *русский* (12) выражают признак, относящийся к пространству, называемому описанными выше именами существительными, нарицательными и собственными. *Российский*, *русский* – прил. к *Россия* и к *Русь*: *Начася царство бесерменъское в Сибири, и чесо ради Сибирь наречеся, и како божиим изволением взята бысть от православных христиан, [сиречь] // от рускаго воинства, в наследие росийского скипетродержательств [а]...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 42]; ...*яко меч обоюду остр идый пред лицом рускаго полка, пожиная и поядая и страша*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 60].

Слово *русский* в исследуемых текстах употреблено, кроме того, в качестве обозначения национальной принадлежности человека (прил. к *русский*, м.). Учитывая смысл анализируемых текстов Сибирских летописей и реальных исторических событий, в них отраженных, следует определять семантику этого прилагательного как ‘живущий в России’, ‘пришедший (в Сибирь) из России, из Московского царства’: ...[а] *на русских людей зла никакова не мыслити*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 57]; ...*приидоша с Руси воеводы Василей Сукин да Иван Мясной, с ними же многия руския люди*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 65]; *Царевича же Маметкула уязвиша от русских вои, тогда бо и поиман был, но свои его увезоша на он пол реки Иртиша*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 54]; *Слышав же царь Кучюм пришествие русских воин и мужество их и храбрость*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 52].

Итак, ядерная СП ‘Пространство – царство-государство’ структурирована значениями синонимичных лексем, обозначающих страну, государство (*царство*, *государство*, *страна*, *держава*, *отчество*, *отчина*). Типичная сочетаемость этих ЛЕ реализована в детерминативных атрибутивных синтагмах со словами *московский*, *российский*, *свой*, *его* и в детерминативных именных синтагмах с именами собственными, например: *Сибирь*, *Сибирская земля*, *Италия* и др. В контекстах называется (часто даже именуется) властитель: *царь*, *государь*, *князь*. Синонимы употреблены контактно.

Можно сказать, что имена собственные также образуют в исследуемых летописных текстах синонимический ряд и их проприальные значения отождествляют онимы *Русь*, *Русия*, *Россия*, *Российское царство*, *Московское царство*, *Москва* с теми же денотатами, которые обозначены проанализированными нарицательными именами.

Исследователи Есиповской летописи, историки и лингвисты, отмечают, что в этом произведении, цельном идеологически и исторически, сибирские события рассматривались как общегосударственные, свидетельствующие о царственности Москвы [9. С. 9; 29. С. 100–101; 30. С. 10–11]. «Присвоение субъектом пространства» [31. С. 141], как обычно трактуется антропоцентричность в применении к теме концептуализации языком пространства, в исследуемом летописном тексте имеет «государственное» преломление. Семантическое поле пространства, имеющее ядерную СП 'Пространство – царство-государство', моделирует пространственную картину мира, полностью выражающую эту господствующую идею. Выраженное ядерной СП представление о пространстве как едином централизованном государстве далее конкретизируется в семантике ЛЕ, формирующих СП ближней и дальней периферии трех названных выше семантических сфер семантического поля пространства в текстах Есиповской летописи.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–230.
2. Есиповская летопись основной редакции // Полн. собр. русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 42–72.
3. Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1995. 217 с.
4. Блинова О.И. Двусловные номинации в аспекте образности и лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 132–136.
5. Голев Н.Д. Речевые описательные наименования: (Место в системе номинативных единиц. Некоторые особенности структуры и функционирования) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 92–105.
6. Климовская Г.И. О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 18–26.
7. Торонцев И.С. Очерк русской ономастологии: (Возникновение знаменательных лексических единиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Л., 1970. 37 с.
8. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «История Сибирская»: (Повествовательное пространство и повествовательная достоверность) // Τέχνη ὑρασιματικῆ. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та; Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2004. Вып. 1. С. 67–84.
9. Дергачева-Скоп Е.И. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVII – середины XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2000. 49 с.
10. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127–134.
11. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–93.
12. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
13. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.
14. Косериу Э. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969. С. 93–104.
15. Гальперин И.Р., Колишанский Г.В., Слюсарева Н.А. О методах структурной лингвистики в исследовании словарного состава языка // Филологические науки. 1962. № 2. С. 45–47.

16. *Березович Е.Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.
17. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976. 255 с.
18. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 354 с.
19. *Нефедова Е.А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: МАКС Пресс, 2008. 464 с.
20. *Падучева Е.В.* К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–33.
21. *Уфимцева А.А.* Теория «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. 254 с.
22. *Шенделева Е.А.* Ассоциативно-образное семантическое поле как единица анализа образного строя языка // Актуальные проблемы русистики: сб. статей / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск, 2000. С. 116–128.
23. *Шур Г.С.* О новом и старом в теориях поля в лингвистике // Романо-германские языки: Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та. 1970. Вып. 73. С. 3–27.
24. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 256 с.
25. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1991.
26. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994.
27. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.
28. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского и церковно-славянского языка: в 3 т. СПб.: Изд. ОРЯС ИАН, 1893–1912.
29. *Ромодановская Е.К.* Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 391 с.
30. *Зувев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. 120 с.
31. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. 207 с.